ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 11 | 2025. Volume 18. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Способы выражения эмоций в русской, узбекской и английской лингвокультурах как источник трудностей перевода

Сладкоедова И. А., Пермякова К. В., Орипжонова М. И.

Аннотация. Цель исследования – разработка системы стратегий перевода эмотивной лексики на основе выявления сходств и различий в вербальном выражении и невербальном проявлении эмоций в английской, узбекской и русской лингвокультурах. В статье исследуются способы и разноуровневые средства вербализации эмоций, культурные сценарии и социальные нормы их выражения в названных лингвокультурах, особое внимание уделяется экстралингвистическим условиям формирования национальной специфики семиотизации эмоций. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе выявления универсальных и уникальных черт трех различных лингвокультур в выражении эмоций предложены оптимальные стратегии перевода на другие языки эмотивной лексики и фразеологических единиц, обозначающих эмоциональные состояния. Источниками материала исследования послужили произведения английской, узбекской и русской литературы, пословицы, поговорки, сказки, а также словари английского, узбекского и русского языков различных типов. Результаты исследования показали, что трудности перевода, связанные с эмотивной лексикой, требуют применения специальных переводческих стратегий, сочетающих различные приемы передачи семантики и культурного фона той или иной единицы: калькирование, описательный перевод и функциональную компенсацию. Выбор конкретной стратегии зависит от совокупности факторов: типологии и характера компонента эмоции (интенсивности, причины, физиологического проявления), жанровых особенностей текста, целевой аудитории.

EN

Ways of expressing emotions in Russian, Uzbek, and English linguocultures as a source of translation difficulties

I. A. Sladkoedova, K. V. Permyakova, M. I. Oripzhonova

Abstract. The research aims to develop a system of strategies for translating emotive vocabulary by identifying similarities and differences in the verbal expression and non-verbal manifestation of emotions across English, Uzbek, and Russian linguocultures. The paper examines the methods and multi-level means of verbalizing emotions, as well as the cultural scenarios and social norms of their expression in these linguocultures. Special attention is paid to the extralinguistic conditions that shape the national specificity of emotion semiotization. The scientific novelty of the research lies in proposing optimal strategies for translating emotive vocabulary and phraseological units denoting emotional states into other languages, based on identifying the universal and unique features of emotion expression across these three distinct linguocultures. The research material was drawn from works of English, Uzbek, and Russian literature, proverbs, sayings, fairy tales, and various types of English, Uzbek, and Russian dictionaries. The research findings showed that translation difficulties associated with emotive vocabulary necessitate the application of special translation strategies that combine various techniques for conveying the semantics and cultural background of a given unit. These techniques include calquing, descriptive translation, and functional compensation. The selection of a specific strategy depends on a combination of factors: the typology and nature of the emotion component (intensity, cause, physiological manifestation), the genre characteristics of the text, and the target audience.

Введение

Эмоции являются неотъемлемой частью человеческого общения, однако способы их проявления, как и интерпретация этих проявлений воспринимающим субъектом, могут существенно различаться в зависимости от культурного контекста, а значит, понимание особенностей выражения эмоций в различных культурах

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250671

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

приобретает особую значимость в условиях глобализации и усиления межкультурных коммуникаций. По мнению В. И. Шаховского, «современный мир человеческого общения наглядно представляет собой огромную роль эмоций, и свидетельством тому являются этническая, политическая, экономическая напряженность во взаимоотношениях власти и народа, разных народов, а также в групповых и межличностных отношениях» (2009, с. 29). Как справедливо отмечает О. С. Солдатова, «эмоции относятся к числу таких феноменов, которые проявляются в любом общении. При этом характер и сила эмоционального поведения человека определяются рядом как психологических, так и социокультурных факторов, которые находят отражение и в языке, и в коммуникации (вербальной и невербальной). Несмотря на универсальность, эмоции имеют ряд культурно-специфичных особенностей, что делает необходимым изучение эмоции в межкультурном аспекте» (2010, с. 78). Понимание того, как эмоции выражаются и воспринимаются в разных культурах, помогает избежать деструктивного влияния этнических и социальных стереотипов, провоцирующих коммуникативные неудачи и ошибки в общении, а также способствует развитию эмпатии и толерантности.

М. А. Ульянова указывает, что «эмоции сегодня изучаются многими учеными как в лингвистике, так и в психологии. Поэтому мы можем говорить о разных подходах к изучению данного понятия <…> эмоции универсальны, структура эмотивной лексики не совпадает в разных языках и имеет национальную специфику» (2011, с. 201). Приведенные положения отечественных исследователей в сфере эмотиологии позволяют обосновать актуальность настоящей работы, которая обусловлена значимостью сопоставительного изучения способов выражения эмоций в английском, узбекском и русском языках, что позволит глубже понять специфику этих культур и выявить общие и уникальные черты, формирующие эмоциональный ландшафт каждой из них.

В рамках статьи решаются следующие исследовательские задачи: 1) характеристика лингвокультурологического аспекта изучения эмоций; 2) анализ культурно-обусловленных способов выражения и интерпретации эмоций в русском, узбекском и английском языках; 3) выявление трудностей перевода эмотивной лексики и фразеологии и поиск стратегий их преодоления.

Для решения поставленных задач использованы методы сравнительно-сопоставительного анализа для выявления сходств и различий в способах выражения эмоций в исследуемых языках; лингвокультурологического анализа – для установления связи между языковыми средствами выражения эмоций и культурными особенностями народов; семантического и контекстуального анализа – для исследования значений эмоциональной лексики и фразеологизмов в контексте их употребления; описательно-сопоставительного метода – для систематизации и обобщения полученных данных.

Источниками материала исследования послужили художественные тексты (произведения английской, узбекской и русской литературы), фольклорные источники (пословицы, поговорки, сказки и т. п.), словари (толковые, фразеологические, эмотивной лексики) английского, узбекского и русского языков.

Согласно гипотезе исследования, культурная обусловленность способов концептуализации и вербализации эмоций создает трудности перевода эмотивной лексики и вызывает сложности в межкультурном общении. Решение данных проблем требует специального исследования и внедрения полученных результатов в практику преподавания языков и перевода.

Теоретической базой исследования послужили отечественные и зарубежные фундаментальные лингвистические труды в сфере изучения семантики и прагматики эмоций, в частности работы А. Вежбицкой (1996; Wierzbicka, 2006), посвященные разработке методов и метаязыка сопоставительного изучения разных лингвокультур, а также концепции культурных сценариев, предопределяющих способы переживания и выражения эмоций; работы Л. Г. Бабенко (1989) и В. И. Шаховского (2008; 2009), содержащие комплексное, разноаспектное лингвистическое исследование эмоций в структурно-системном и функциональном (лингвокультурологическом, коммуникативном, когнитивном) аспектах. Общие представления о психологической природе и физиологических проявлениях эмоций, их типологии были сформированы на основе психологических исследований (Изард, 2007; Экман, Фризен, 2010). Кроме того, при сопоставлении средств вербализации эмоций в исследуемых языках учитывался опыт работ, схожих по целям с нашей (Маклакова, Чупановская, Никитина, 2022; Парсиева, Гацалова, 2022), а также общие подходы к межкультурному изучению эмоций (Солдатова, 2010). Основой разработки переводческих стратегий передачи смысла эмотивной лексики стала переводческая концепция В. Н. Комиссарова (1990).

Теоретическая значимость исследования связана с развитием положений в области лингвокультурологии, касающихся национально-культурной специфики фрагментов языковых картин мира носителей русского, узбекского и английского языков. Изучение эмоций в разных языках и культурах имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение для преподавания иностранных языков, перевода и обучения межкультурному общению, поэтому практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов в преподавании иностранных языков, теории и практики перевода и межкультурной коммуникации, а также в переводческой деятельности.

Обсуждение и результаты

Теоретические предпосылки исследования

Эмоции представляют собой сложный психофизиологический феномен, играющий ключевую роль в человеческой коммуникации и социальном взаимодействии. В психологии эмоции традиционно определяются

как субъективные реакции человека на воздействие внешних и внутренних раздражителей, сопровождающиеся физиологическими изменениями и поведенческими проявлениями (Изард, 2007). С точки зрения лингвистики, эмоции формируют особый класс смыслов, вербализуемых через систему средств и способов выражения. П. Экман и У. Фризен (2010) выделили шесть универсальных эмоций, общих для всех культур: радость, печаль, страх, гнев, удивление и отвращение. Однако многие исследователи отмечают, что наряду с универсальными существуют и культурно-специфические эмоции, характерные только для определенных лингвокультур (например, русская *тоска* или узбекское *хижолат* (досада, разочарование, досадная неприятность)). В лингвистике сформировалось три основных подхода к изучению эмоций. Когнитивный подход рассматривает эмоции как особый тип знаний, организованных в концептуальные структуры; в рамках этого направления исследуются эмоциональные концепты и их репрезентация в языке (Бабенко, 1989). Семантический подход фокусируется на анализе значений эмотивной лексики, выявлении ее семантических полей и групп (Шаховский, 2008). Прагматический подход изучает функционирование эмоций в коммуникации, их роль в речевом воздействии и межличностном взаимодействии (Котов, 2021).

Для настоящего исследования особо значим культурологический аспект изучения эмоций, раскрывающий взаимосвязь эмоциональных проявлений с культурными нормами и ценностями. Как отмечает А. Вежбицкая, «каждая культура вырабатывает свои собственные “сценарии” переживания и выражения эмоций, которые отражаются в языке» (Цит. по: Гладкова, Ларина, 2018, с. 722). Эти культурные сценарии определяют, какие эмоции допустимо проявлять, в каких ситуациях и каким образом.

Современная лингвистика проводит исследование средств вербализации эмоций на материале языков различных структурных типов, а также в различных сферах обыденного и профессионального дискурса. Так, к анализу привлекаются лексикографические, текстовые и коммуникативные данные русского (Бабенко, 1989; Галкина, 2017; Гуц, Иванова, 2022; Колпащикова, 2006; Маклакова, Чупановская, Никитина, 2022; Парсиева, Гацалова, 2022; Солдатова, 2010), английского (Солдатова, 2010; Щербаков, 2012), французского (Седых, 2010), татарского (Сибгаева, Мугтасимова, 2023), осетинского (Парсиева, Гацалова, 2022), немецкого (Блытова, Малыгин, 2013), китайского (Маклакова, Чупановская, Никитина, 2022) и др. языков. Специальные исследования посвящены изучению эмоционального аспекта детской речи (Галкина, 2017), вербализации эмоций в дискурсе электронных СМИ (Маклакова, Чупановская, Никитина, 2022), функционированию эмоций в межкультурной коммуникации (Ульянова, 2011). Ряд работ содержит метаанализ достижений лингвистики эмоций (Ионова, 2022; Шаховский, 2009).

«Лингвистика эмоций носит междисциплинарный характер, поскольку в ней перекрещивается ряд парадигм современной лингвистики и науки в целом» (Ионова, 2022, с. 225), поэтому изучение эмоций в лингвокультурологическом аспекте требует комплексного подхода, учитывающего как универсальные психологические механизмы эмоциональных реакций, так и культурно-специфические особенности их языкового выражения. Такой подход позволяет выявить как общечеловеческие, так и уникальные черты в эмоциональном мире разных народов, что имеет принципиальное значение для понимания механизмов межкультурной коммуникации.

Эмоции являются универсальным человеческим опытом, однако их проявление, интерпретация и социальная приемлемость существенно различаются в зависимости от культурного контекста. Эти различия формируются под влиянием исторических, социальных и религиозных факторов, создавая в каждом обществе уникальные модели эмоционального поведения. Концепция «культурного сценария» эмоций, предложенная А. Вежбицкой (1996), основывается на идее о том, что эмоции не существуют в вакууме, а формируются и выражаются в контексте конкретной культуры. Культурные сценарии – это наборы ожиданий и норм, определяющих реакции людей на различные эмоциональные ситуации посредством вербальных и/или невербальных средств, которые могут варьироваться от одной культуры к другой, и, как следствие, интерпретации людьми собственных эмоций и эмоций окружающих. Так, в одних культурах открытое выражение гнева считается нормальным и даже ожидаемым, тогда как в других это может восприниматься как признак слабости или невоспитанности.

Вербальные способы выражения эмоций включают использование языка, интонации и опору на контекст общения: применение определенных слов или фраз может быть связано с конкретными эмоциональными состояниями. Невербальная передача эмоций охватывает жесты, мимику и проксемику: в индивидуалистических культурах принято поддерживать близкий физический контакт при общении, в коллективистских – сохранять дистанцию. Кросс-культурные различия в интерпретации невербальных сигналов могут приводить к недопониманию (ср. восприятие жеста *«окей»* в смысле «*ты полный ноль*» в некоторых культурах).

Эмоциональная сфера человеческого сознания отражается в языке через сложную систему разноуровневых средств, анализ которых позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические механизмы вербализации эмоций.

На лексико-фразеологическом уровне основным средством выражения эмоций выступает эмотивная лексика, образующая сложную систему взаимосвязанных элементов, а также фразеологические сочетания слов, образно выражающие эмоциональные состояния (ср. рус. *на седьмом небе от счастья*; узб. *қувончдан осмонни устуда* (букв. «от радости выше неба»); англ. *on cloud nine* (букв. «на девятом облаке»)). В. И. Шаховский (2008, с. 84-90) выделяет следующие группы эмотивной лексики: номинативы эмоций (*радость*, *страх*, *гнев*); эмоционально-оценочная лексика (*прекрасный*, *отвратительный*); междометия (*ох*, *ах*, *увы*); экспрессивно-эмоциональные фразеологизмы (*душа в пятки ушла*, *кровь стынет в жилах*). Особый интерес представляют культурно-маркированные эмотивные концепты (русская *тоска*, узбекская *қайғу* (грусть, печаль, скорбь) или английская *frustration* (контекстуально может означать разочарование, расстройство, страдание, неудовлетворенность)), не имеющие точных эквивалентов в других языках.

На синтаксическом уровне эмоциональность в речи может выражаться через восклицательные конструкции; риторические вопросы; эллиптические предложения; инверсию порядка слов; повторы и параллельные конструкции. Так, в русском языке эмоциональность часто достигается за счет инверсии (*Какой же ты упрямый!*), тогда как в узбекском языке для этого применяются специальные слова и фразе придается вопросительная интонация (*Сен йомон қайсар экансан а?* (Ах, какой же ты упрямый!)), а в английском используются специальные усилительные конструкции (*What a stubborn person you are!* (Какой же ты упрямый человек!)).

На просодическом уровне средствами выражения эмоций служат интонационные контуры (повышение/понижение тона), темп речи, паузация, громкость. Исследования показывают, что просодические модели эмоциональной речи существенно различаются в разных языках: например, русская эмоциональная речь характеризуется большим диапазоном тональных изменений по сравнению с английской и узбекской речью.

Стилистические средства передачи эмоций включают в себя метафоры (рус. *море радости*, узб. *ҳаёт дарёси* (поток жизни), англ. *heart of stone* (сердце из камня)); сравнения (рус. *радостный, как ребенок,* узб. *қор каби оқ* (белый как снег), англ. *as brave as a lion* (храбрый, как лев)); гиперболы (рус. *умереть от стыда*, узб. *ҳаётдан ҳафсаласи қочиб кетди* (совсем пропало желание жить), англ. *I'm so hungry I could eat a horse* (Я так голоден, что могу съесть лошадь)); оксюмороны (рус. *радостная грусть*, узб. *қора нур* (букв. черный свет, перен. светлая грусть), англ. *bittersweet* (горько-сладкий)). Эти средства демонстрируют как универсальные черты (использование природных образов), так и культурную специфику (различие ассоциативных рядов в разных языках).

Таким образом, языковая репрезентация эмоций – это многоуровневая система, включающая вербальные и невербальные компоненты. Сопоставительное изучение этих средств позволяет выявить как универсальные механизмы выражения эмоций, так и их культурно-обусловленные особенности, важные для лингвокультурологических исследований и теории межкультурной коммуникации. Исследование эмоций в лингвокультурологическом аспекте требует комплексного подхода, учитывающего как универсальные психологические закономерности, так и национально-культурные особенности их вербализации, а полученные выводы закладывают основу дальнейшего сравнительного анализа эмоциональных концептов разных лингвокультур.

Эмпирическое исследование средств выражения базовых эмоций в русском, узбекском и английском языках

А. Радость и счастье. Анализ вербализации концептов радости и счастья в трех языках выявляет как универсальные черты, так и глубокую культурную специфику. Русский язык демонстрирует способность к созданию сложных эмоциональных концептов через производные формы и уменьшительно-ласкательные суффиксы (*радость-радостище*, *счастьице*), отражая склонность к эмоциональной экспрессии. Узбекская языковая картина мира предлагает тонкую дифференциацию эмоциональных состояний через оригинальные концепты *шуод* (чистая радость), *хурсандчилик* (удовлетворение) и *бахт* (высшее, почти фаталистическое счастье), отражающие национальную философию отношения к жизни. В английском языке наблюдается противопоставление кратковременной эмоции *joy* и продолжительного состояния *happiness*, дополняемое богатым синонимическим рядом (*delight*, *bliss*, *cheerfulness*), в котором каждый элемент отражает особую интенсивность и характер переживания.

Русские фразеологизмы (*душа поет*, *светится от счастья*, *будто крылья выросли*) подчеркивают внутреннее преображение личности; узбекские выражения (*кўнгил шод* (сердце радуется, на душе весело), *юрак хурсанд* (сердце ликует), *дилафрўз бўлмок* (радоваться, обрадоваться)) акцентируют сердечность и искренность переживания; английские идиомы (*on cloud nine* (на девятом облаке), *over the moon* (выше луны), *walking on air* (ходить по воздуху)) тяготеют к пространственно-визуальным метафорам эйфории. Особый интерес представляют культурные сценарии поведенческого проявления этих эмоций: английская традиция предписывает сдержанную, почти ритуальную демонстрацию радости; русская культура поощряет открытое выражение счастья; узбекский этикет предполагает гармоничное сочетание эмоциональной искренности с соблюдением социальных норм.

Глубинные различия проявляются в религиозно-философских основаниях этих концептов: русское *счастье* этимологически восходит к понятию *со-участия*, разделенной судьбы (*Счастье – это когда тебя понимают*); узбекское *бахт* (счастье) несет в себе оттенок божественного благословения и покорности судьбе (*Бахт – Худо берган неъмат* (Счастье – это дар, данный Богом)); английское понимание счастья тесно связано с идеей личного успеха (*Success is the key to happiness* (Счастье – это ключ к успеху)). Эти фундаментальные различия находят отражение в частотности употребления соответствующих лексем, их сочетаемости и стилистической окраске, что подтверждается анализом художественных текстов, пословиц и современных медиатекстов в трех языках.

Б. Гнев и раздражение. Эмоции гнева и раздражения в английском, русском и узбекском языках демонстрируют значительные различия как в лексическом выражении, так и в культурных нормах их проявления. Русский язык располагает обширным спектром экспрессивной лексики, варьирующейся от мягкого *раздражение* до резкого *ярость* и *бешенство*. Узбекский язык, в свою очередь, отражает традиционную сдержанность в выражении негативных эмоций, предлагая более опосредованные формы их обозначения (*аччиқлиқ* (гнев, злость), *қайғу* (грусть)), часто смягченные культурными эвфемизмами. В английском языке гнев чаще вербализуется через относительно нейтральные термины (*anger* (гнев), *annoyance* (раздражение)).

Фразеология русского языка (*кипятиться от злости*, *рвать и метать*) акцентирует физиологическую интенсивность переживания гнева; узбекские фразеологизмы (*қони ҳароратланди* (букв. «у него закипела кровь» – в значении «разозлился»), *жигарига тўлди* (букв. «переполнило его печень», то есть переполнило душу гневом)) чаще апеллируют к внутренним органам, отражая традиционную связь эмоций с телесностью; английские

идиомы (*fly off the handle* (выйти из себя, потерять контроль), *blow one's top* (букв. «взорвать свою вершину»)) используют метафоры механических поломок, подчеркивая нежелательность эмоциональных всплесков.

Социальные нормы проявления этих эмоций существенно различаются: в английской коммуникативной культуре предпочтение отдается сдержанности, а открытый гнев считается нарушением социального этикета; русская традиция допускает более экспрессивные формы выражения раздражения, особенно в неформальном общении; узбекская культура строго ограничивает публичное проявление гнева, особенно по отношению к старшим и в официальных ситуациях.

Религиозно-философские основания также влияют на восприятие этих эмоций: протестантская этика англоязычного мира рассматривает гнев как личную слабость; православная традиция русской культуры допускает концепцию *праведного гнева*; исламские ценности узбекского общества подчеркивают важность терпения (*сабр* (терпение как добродетель)) и самоконтроля. Эти глубинные различия подтверждаются анализом частотности употребления соответствующих лексем в разных речевых регистрах, а также особенностями их перевода между языками.

В. Печаль и грусть. Эмоциональные концепты печали и грусти в исследуемых лингвокультурах раскрывают глубокие различия в мировосприятии и культурных ценностях. Русская языковая картина мира предлагает необычайно богатую палитру оттенков печали – от легкой *грусти* до экзистенциальной *тоски*, философской *унылости* и поэтической *печали*, причем многие из этих концептов не имеют точных эквивалентов в других языках. Узбекский язык отражает традиционное восточное отношение к печали через такие уникальные концепты, как *қайғу* (состояние глубокой грусти с элементами размышления) и *ғамгинлик* (печаль, разделенная с другими), демонстрируя культурную значимость коллективного переживания эмоций. Английский язык демонстрирует рациональный подход к этим эмоциям через четкое разграничение понятий *sadness* (печаль как временное состояние) и *sorrow* (глубокая, продолжительная печаль), дополненное нейтральными терминами типа *melancholy* (меланхолия) и *grief* (горе).

На фразеологическом уровне эти различия проявляются особенно ярко: русские устойчивые выражения (*тоска зеленая*, *печаль-кручина*) подчеркивают интенсивность и физиологичность переживания; узбекские фразеологизмы (*қалбига қайғу тушди* (на него накатила грусть / в его сердце вселилась печаль), *кўнгилда ғам бор* (на душе / в сердце грусть)) акцентируют сердечность и духовные аспекты эмоции; английские идиомы (*feeling blue* (грустный), *down in the dumps* (грустный, несчастный)) тяготеют к метафорическим описаниям состояния. Культурные нормы выражения печали также существенно различаются: русская культура придает печали почти сакральный статус, что особенно заметно в литературной традиции; узбекский этикет предписывает сдержанное, но искреннее выражение скорби, особенно в ритуальных и семейных контекстах; в англоязычной традиции существует негласный запрет на публичное проявление грусти, что отражается в распространенных фразах типа *keep a stiff upper lip* (гордо поджимать губы), *keep smiling* (продолжать улыбаться).

Возрастные и гендерные аспекты выражения печали также заслуживают внимания: в английской культуре детская грусть часто минимизируется (*don't be sad* (не грусти)), тогда как в русской традиции детям позволено открыто выражать печаль; гендерные различия особенно заметны в узбекском обществе, где мужская печаль часто выражается через молчание, а женская – через ритуальные плачи. Историко-культурные корни этих различий уходят в религиозные традиции: к протестантскому отношению к печали как к испытанию; православному пониманию печали как пути к духовному очищению; исламским представлениям о печали как испытании от Аллаха.

Г. Удивление и изумление. Феномен удивления как непосредственной эмоциональной реакции на неожиданные события проявляет интересную диалектику универсальности и культурной специфики в рассматриваемых языках. Русская языковая традиция предлагает более богатую палитру выражений для этой эмоции, включая такие уникальные концепты, как *изумление* (интеллектуально окрашенное удивление), *ошеломление* (физически ощущаемый шок) и *потрясение* (глубокое эмоциональное воздействие), что отражает характерную для русской культуры склонность к рефлексии над эмоциональными состояниями. Узбекский язык демонстрирует особый подход к вербализации удивления через концепты *хайрат* (позитивное удивление-восхищение) и *ажойиб* (удивление, граничащее с недоумением), отражающие традиционное восточное мировосприятие, где удивление часто ассоциируется с мудростью и жизненными уроками. В английском языке прослеживается четкая градация интенсивности переживания: от мягкого *surprise* (удивление) до потрясенного *astonishment* (изумление) и ошеломляющего *amazement* (сильное изумление), причем выбор лексемы строго коррелирует со степенью неожиданности события и его эмоционального воздействия.

На фразеологическом уровне культурные различия проявляются особенно рельефно: русские устойчивые выражения (*глаза на лоб полезли*, *потерять дар речи*) акцентируют физиологические реакции и речевую немоту; узбекские фразеологизмы (*кўзи очик эмас* (он «не с открытыми глазами», то есть недоволен, опечален, угнетен), *огзи очик колди* (у него «остался открытый рот», то есть он остолбенел от изумления) делают упор на визуальном восприятии и мимической реакции, что отражает важность невербальной коммуникации в восточной культуре; английские идиомы типа *bolt from the blue* (гром среди ясного неба) или *knock someone's socks off* (букв. «выбить кого-либо из его носков») используют яркие визуальные метафоры, подчеркивая внезапность и силу воздействия.

Социальные нормы проявления удивления также существенно различаются: русская культура допускает и даже поощряет эмоциональные реакции на неожиданные события; узбекский этикет, напротив, предписывает сдержанное, но выразительное проявление удивления, особенно при старших; в англоязычной коммуникации яркое выражение изумления может быть воспринято как недостаток воспитания.

Особый интерес представляет анализ междометий, выражающих удивление: русские *Ой!*, *Ух ты!* и *Ничего себе!* передают широкий спектр эмоциональных оттенков; узбекские *Вой!*, *Ха!* и *Астағфируллаҳ!* (Я прошу прощения грехов у Аллаха!) отражают культурно-религиозные особенности реагирования; английские *Oh!*, *Wow!* или *Gosh!* демонстрируют различную степень экспрессии и формальности. Эти различия коренятся в глубинных культурных установках: русская склонность к коллективному разделению эмоциональных состояний; узбекская традиция гармонизации эмоций в социальном контексте; прагматичный англосаксонский подход к эмоциям как к личному переживанию.

Д. Страх и тревога. Эмоциональные концепты страха и тревоги в исследуемых лингвокультурах раскрывают глубокие различия в восприятии угрозы и психологических механизмах совладания с ней. Русская языковая картина мира предлагает уникальные концепты *страха* (непосредственная реакция на угрозу), *боязни* (устойчивое опасение) и экзистенциального *трепета*, причем последний часто несет положительную коннотацию, связанную с духовным переживанием. Узбекский язык отражает традиционное восточное отношение к страху через концепты *қўрққич* (внезапный испуг) и *хавотир* (глубокая, почти мистическая тревога), демонстрируя восточное принятие страха как неотъемлемой части человеческого бытия. В английском языке наблюдается строгая дифференциация между рациональным *fear* (конкретный страх) и диффузной *anxiety* (тревожность), что отражает западную традицию психологизации эмоциональных состояний, дополненную богатым терминологическим аппаратом (*dread*, *terror*, *phobia* (ужас, террор, фобия)) для описания различных интенсивностей и форм страха.

Фразеология отражает эти различия еще ярче: русские устойчивые выражения (*душа в пятки ушла*, *мороз по коже*) подчеркивают телесные и пространственные аспекты переживания страха; узбекские фразеологизмы (*қалби қаттиқ урибди* (его сердце сильно стучит/бьется (от страха или волнения)), *қони қуруди* (у него «кровь высохла», то есть он сильно испугался, ужаснулся) акцентируют сердечные и физиологические реакции, отражая традиционные представления о локализации эмоций в теле; английские идиомы (*scared to death* (напуган до смерти), *shake like a leaf* (дрожит как лист)) используют гиперболизированные физиологические метафоры.

Культурные нормы выражения страха также заметно различаются: русская культура не поощряет, но допускает выражение страха, особенно в литературе; узбекский этикет предписывает сдержанность в проявлении этих эмоций, особенно мужчинами, что отражает традиционные представления о мужестве; в англоязычной традиции открытое проявление страха часто стигматизируется как слабость.

Религиозно-философские основания отношения к страху заслуживают особого внимания: протестантская этика связывает страх с личной ответственностью; православная традиция рассматривает *страх Божий* как добродетель; исламская духовность видит в страхе перед Аллахом проявление благочестия. Эти глубинные различия проявляются в частотности употребления соответствующих лексем: если в русском и, особенно, узбекском языках заметна тенденция к использованию эвфемизмов и иносказаний при описании сильных страхов, то в английском языке преобладают нейтральные обозначения страха. Особенно показательны гендерные и возрастные «образы страха»: в русской традиции они могут романтизироваться; в узбекском обществе к ним относятся с серьезностью, видя в них важный этап социализации; в английской культуре детские страхи часто рационализируются.

Особенности, трудности и стратегии перевода эмотивной лексики

Прикладной взгляд на полученные данные о своеобразии эмотивной лексики в трех исследуемых языках приводит нас к проблеме ее перевода, что обусловлено действием культурных, в широком смысле, факторов. Как отмечено в работе В. Н. Комиссарова (1990), эмоциональные концепты относятся к категории «безэквивалентной лексики», требующей особых переводческих стратегий, учитывающих ряд моментов: способность эмоциональных концептов отражать национальный менталитет; эффект «культурного фильтра» при переводе; явление эмоционального лакунирования; различия в объеме значений эмоциональных лексем и несовпадение их коннотативных оттенков; специфику фразеологических соответствий.

Трудности перевода эмоционально-окрашенной лексики коренятся в глубинных различиях языковых картин мира и традиций выражения чувств в разных лингвокультурах. Выделим основные трудности:

1) передача безэквивалентных эмотивных концептов, имеющих уникальное языковое выражение в одной культуре, но отсутствующих в других; так, русскому понятию *тоска* нет точного соответствия ни в английском (ср. частичные аналоги вроде *melancholy*, *splean*, *yearning* или *anguish*), ни в узбекском языках; узбекское *ҳавас*, объединяющее в себе значения страсти, вдохновения и душевного подъема, требует в русском переводе развернутых объяснений или компромиссных решений;

2) передача культурно-специфических коннотаций, присущих эмоциональной лексике. Например, значение английского слова *frustration* стилистически более нейтрально, менее поэтично (в Оксфордском словаре (Oxford Learner's Dictionary): "the feeling of being annoyed and impatient because you cannot do or achieve what you want" (чувство раздраженности и нетерпения из-за невозможности что-то сделать или достичь желаемого), чем у русского *разочарование* («РАЗОЧАРОВА́НИЕ, -я; ср. Чувство неудовлетворенности, вызванное несбывшимися ожиданиями, надеждами или мечтаниями. *Испытать р. Скрыть свое глубокое р. Надежда сменяется разочарованием. Р. в поставленной цели.* // в ком-чём. Потеря веры в кого-, во что-л. *Р. в друге. Р. в жизни*» (Большой толковый словарь..., 1998, с. 1079)). При буквальном переводе такие различия провоцируют искажение эмоционального тона: высказывание, нейтральное в исходном языке, становится излишне драматичным или, наоборот, теряет экспрессивность;

3) отражение лингвокультурных различий в степени и способах эмоциональной экспрессии. Русский язык богат уменьшительно-ласкательными формами (*грустинка*, *радостный-прерадостный*), практически не имеющими аналогов в английском. Английский язык использует сложную систему эвфемистических конструкций

(*passed away* вместо *died*, т. е. *ушел* вместо *умер*), часто непонятных носителям других языков. Узбекский язык предлагает уникальные поэтические перифразы для выражения эмоций, основанные на традиционных образах и метафорах, требующих тонкого понимания культуры;

4) грамматические различия в выражении эмоций: русскому языку свойственны безличные конструкции (*Мне весело*) и наречия (*На душе радостно*), узбекский же опирается на систему аффиксов и частиц, передающих эмоциональные оттенки, почти не переводимые на индоевропейские языки, в английском языке эмоциональные состояния чаще выражаются через прилагательные и глаголы (*I'm happy* (Я счастлив), *It delights me* (Мне это приятно)).

5) культурные табу и социальные нормы, регулирующие проявление эмоций. Уместное и естественное в одной культуре может восприниматься как странное или даже неприемлемое в другой. Например, открытое выражение горя, вполне допустимое в русской культурной традиции, часто смягчается в английских переводах, в то время как сдержанное проявление чувств, характерное для узбекского общения, может показаться излишне холодным при буквальном переводе на русский;

6) различия эмоционально-окрашенной фразеологии часто основаны на культурно-специфических образах и ассоциациях, непонятных носителям других языков. Русское выражение *душа в пятки ушла* (сильный страх), узбекское *кўнгилга тўлди* (букв. «наполнилось сердце» – сильная радость) и английское *butterflies in the stomach* (букв. «бабочки в животе» – романтическое волнение) требуют от переводчика не просто поиска эквивалентов, но и понимания стоящих за ними культурных концептов;

7) различия в «эмоциональных сценариях», приводящие к тому, что какое-либо действие в одной культуре вызывает удивление, в другой может провоцировать гнев или, наоборот, смех (при поверхностном переводе это может остаться незаметным, но влияет на восприятие текста аудиторией).

Современные исследования в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации показывают, что описанные трудности носят системный характер, преодолеваются не простым расширением словарного запаса переводчика, а глубоким пониманием культурных кодов, особенностей эмоционального восприятия и тонких механизмов языковой репрезентации чувств. В практике перевода между русским, узбекским и английским языками выработаны стратегии, каждая из которых применяется в зависимости от контекста и характера передаваемой эмоции.

Калькирование с пояснительными комментариями становится незаменимым при работе с уникальными культурными концептами, не имеющими прямых аналогов. Например, русское слово *тоска*, передающее сложный комплекс чувств от легкой грусти до экзистенциальной тревоги, часто транслитерируется как *toska* с обязательным пояснением, раскрывающим глубину этого понятия (ср. аналогичное непереводимое заимствование из английского – *сплин*). Аналогично поступают с узбекским *қайғу*, обозначающим особый вид философской печали, который в английских переводах сохраняет оригинальную форму с пояснительной сноской. Этот подход, хотя и сохраняет культурную аутентичность, требует от переводчика тонкого чувства меры, чтобы не перегружать текст комментариями.

Описательный перевод применяется, когда необходимо передать сложные эмоциональные состояния, не сводимые к одному слову в языке перевода. Русское выражение *разболтался от счастья*, характеризующее эмоциональную разговорчивость, преобразуется в английском в *chattering excitedly out of sheer joy* (болтать взволнованно от чистой радости), где эмоциональный компонент передается через наречие и уточняющую фразу. Узбекское поэтическое *юрагим ширинлаб кетди* (букв. «у меня на сердце стало сладко» (о сладостном, радостном чувстве)), описывающее сладостное чувство в сердце, на русский лучше переводить описательно: *мое сердце наполнилось сладостным чувством*, сохраняя образность оригинала. Английское *homesick* (букв. «болезнь по дому») теряет специфику при буквальном переводе и требует развернутого объяснения как *тоска по дому*.

Поиск функциональных аналогов особенно важен при работе с идиоматическими выражениями. Русское выражение страха *душа в пятки ушла* передается в английском через аналогичную по смыслу, но иную по образности фразу *one's heart sank into one's boots* (сердце утонуло в ботинках). Узбекское *кўнгил кўтарди*, буквально означающее «поднял душу», в русском переводе превращается в более привычное *поднял настроение*. Английская идиома *over the moon* (букв. «над луной») соответствует русскому *на седьмом небе*, хотя образы и различны, но смысл эмоции сопоставим. При этом переводчик должен учитывать, что такие замены часто нивелируют культурную специфику.

Трансформация грамматических структур становится необходимой из-за различий в синтаксическом выражении эмоций. Русские безличные конструкции (*Мне грустно*) естественным образом преобразуются в английские личные формы (*I feel sad* (Я чувствую грусть)). Английские модальные конструкции вежливости (*I would be delighted* (Мне было бы приятно)) в русском переводе часто упрощаются до более прямых восклицаний (*Как я рад!*). Переводчику с узбекского языка, выражающего эмоции через сложную систему глагольных форм и частиц, приходится полностью перестраивать синтаксическую структуру предложения.

Контекстуальная адаптация предполагает гибкий подход в зависимости от жанра текста и целевой аудитории. Одно и то же русское слово *тоска* может переводиться по-разному: в поэтическом контексте сохраняется оригинальная форма с пояснением, в разговорной речи упрощается до *deep sadness*, а в психологическом тексте может потребоваться более специальный термин вроде *existential anxiety*. Особенно сложны описания эмоциональных состояний через культурно-специфические реалии, требующие от переводчика глубокого понимания обеих культур.

На практике переводчики часто используют комбинированные стратегии, особенно при работе с поэтическими текстами. Узбекская фраза *Қалбимда ҳавас ва қайғу ўйнади* (букв. «В моем сердце играли страсть

и печаль») в литературном английском переводе может приобрести форму *My heart was a playground for passionate yearning and contemplative sorrow* (букв. «Мое сердце было игровой площадкой для страстной тоски и созерцательной скорби»), сочетающую элементы калькирования, описательного перевода и функциональной компенсации. Такой подход позволяет передать не только смысл, но и эмоциональную глубину оригинала.

Выбор конкретной стратегии зависит от множества факторов: доминирующего компонента эмоции (ее интенсивности, причины, физиологического проявления), жанровых особенностей текста, предполагаемой аудитории перевода. Опытный переводчик стремится найти оптимальный баланс между сохранением культурной аутентичности и обеспечением понятности для носителей языка перевода. При этом неизбежны компромиссы, так как полное сохранение всех эмоциональных нюансов оригинала часто оказывается невозможным.

Заключение

Проведенное исследование сходств и различий в вербальном выражении и невербальном проявлении эмоций в английской, узбекской и русской лингвокультурах позволило сделать ряд выводов.

Прежде всего, анализ научной литературы по избранной тематике показал многообразие версий лингвистического изучения эмоций и актуальность лингвокультурологического аспекта в такого рода исследованиях. Современная лингвистика эмоций (лингвоэмотиология) демонстрирует интерес к разноуровневым единицам языка, репрезентирующим эмоции, к разным коммуникативным сферам их проявления, к различным языкам и культурам, характеризующимся специфичными моделями вербализации эмоций. При этом лингвокультурологически ориентированные исследования эмоций характеризуются стремлением выявить соотношение универсального и уникального в национально-культурных системах концептуализации эмоций.

Сопоставительный анализ выражения базовых эмоций в русской, узбекской и английской лингвокультурах позволил выявить как универсальные закономерности, так и культурно-обусловленные различия концептуализации и вербализации эмоций, отражающие национальное мировосприятие. Расхождения обнаружены в составе эмотивной лексики (безэквивалентные понятия: *тоска*, *қайғу*, *frustration* и т. п.), в типичных образах фразеологических единиц, в нормах поведенческого проявления эмоций: сдержанность английской культуры, экспрессивность русской и ритуализованность узбекской. Также выявлены различия в «эмоциональных сценариях» – типичных способах переживания и выражения чувств, отчасти обусловленных религиозно-философскими традициями (православной, исламской, протестантской), закрепляющимися и в семантике эмотивной лексики и фразеологии.

Анализ трудностей перевода эмотивной лексики и фразеологии продемонстрировал необходимость применения специальных переводческих стратегий, сочетающих различные приемы передачи семантики и культурного фона той или иной единицы: калькирование, описательный перевод и функциональную компенсацию, что позволяет найти оптимальный вариант перевода конкретной эмотивной единицы, по возможности сохранив культурную аутентичность и обеспечив понятность для носителей языка перевода. Факторами, предопределяющими выбор той или иной комбинации переводческих приемов, являются доминирующие компоненты эмоции (ее интенсивность, причина, физиологическое или психологическое проявление), жанровых особенностей переводимого текста, предполагаемой целевой аудитории перевода.

Перспектива настоящего исследования видится в изучении трансформации эмоциональных паттернов, которая происходит в условиях глобализации и цифровизации коммуникации, и влияния этой трансформации на соответствующие эмоциональные речевые модели в разных языках.

Материалы исследования | Research materials

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
2. Oxford Learner's Dictionaries. https://www.oxfordlearnersdictionaries.com

Источники | References

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989.
2. Блытова Е. В., Малыгин В. Т. Немецкие фразеологизмы как средство вербализации эмоций // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 1 (76).
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
4. Галкина Е. В. Вербализация эмоционального состояния страха в детской речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. № 3.
5. Гладкова А. Н., Ларина Т. В. Анна Вежбицкая: язык, культура, коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4.
6. Гуц Е. Н., Иванова Е. Д. Семантическое моделирование способов вербализации эмоций (на примере эмоций боязнь и испуг) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (36).
7. Изард К. Психология эмоций / пер. с англ. СПб.: Питер, 2007.
8. Ионова С. В. Лингвистика эмоций в контексте современных научных исследований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (166).

9. Колпащикова Ф. К. Коллективное и индивидуальное в русской вербализации эмоций // Сибирский филологический журнал. 2006. № 4.
10. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
11. Котов А. А. Механизмы речевого воздействия. Лингвистическая модель в когнитивном контексте. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021.
12. Маклакова Т. Б., Чупановская М. Н., Никитина А. Х. Особенности вербализации эмоции и оценки в электронных СМИ России и Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 10.
13. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Активные процессы в вербализации эмоций в осетинском и русском языках // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. 2022. № 46 (85).
14. Седых А. П. Специфика вербализации эмоции “Joie” во французской лингвокультуре // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5.
15. Сибгаева Ф. Р., Мугтасимова Г. Р. Языковая вербализация смежных эмоций во фразеологических единицах татарского языка // Филология и культура. 2023. № 4 (74).
16. Солдатова О. С. Межкультурный аспект изучения эмоций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2010. № 4.
17. Ульянова М. А. Эмоции и их понимание в межкультурной коммуникации // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 6.
18. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
19. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9.
20. Щербаков К. Ю. Вербализация эмоций во фразеологии современного английского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4.
21. Экман П., Фризен У. Узнай лжеца по выражению лица / пер. с англ. СПб.: Питер, 2010.
22. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Информация об авторах | Author information

RU

Сладкоедова Инна Алексеевна[1]
Пермякова Кристина Валерьевна[2], к. филол. н.
Орипжонова Мохирхон Исроил кизи[3]
[1] Северо-Восточный нефтяной университет, г. Дацин, Китайская Народная Республика
[2, 3] Пермский национальный исследовательский политехнический университет

EN

Inna Alexeyevna Sladkoedova[1]
Kristina Valerievna Permyakova[2], PhD
Mohirhon Isroil kizi Oripzhonova[3]
[1] Northeast Petroleum University
[2, 3] Perm National Research Polytechnic University

[1] *insladkaya@gmail.com,* [2] *kpuctu@rambler.ru,* [3] *orifzhonova03@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.09.2025; опубликовано online (published online): 25.11.2025.

Ключевые слова (keywords): эмотивная лексика; трудности перевода; переводческая стратегия; русский язык; узбекский язык; английский язык; emotive vocabulary; translation difficulties; translation strategy; Russian language; Uzbek language; English language.